

ПОИСК ДЛИНОЮ В ЖИЗНЬ

В ПЕРВЫЕ НА СЦЕНЕ Большого театра Союза ССР Евгений Нестеренко выступил год назад — спел Кончака в «Кизе Игоре». Гастроли прошли удачно, и вскоре молодой певец получил приглашение перейти в Большой из Ленинградского театра оперы и балета имени Кирова. Согласился не сразу. Колебался. Не хотелось оставлять и класс пения, который он вел в Ленинградской консерватории. И вот недавняя премьера «Руслана и Людмилы» в постановке главного режиссера театра Бориса Александровича Покровского. Об этом спектакле будут непременно писать много самого доброго — он заслуживает этого. А мы сейчас расскажем о творческом пути исполнителя главной партии — молодого баса Евгения Нестеренко.

...Разными путями приходят люди в искусство. И дело даже не в том, что будущий артист поначалу сомневается в своих силах. Тем ценнее этот окончательный выбор позднее, когда уже пройден, пусть не очень значительный по временным рамкам, но достаточно «взрослый», самостоятельный жизненный путь. И вдруг — резкий поворот, все сначала, потому что подлинное призвание властно зовет к себе, целиком, безраздельно, раз и навсегда.

Евгений Нестеренко, «золотой» лауреат Четвертого международного конкурса имени Чайковского, не мечтал о карьере певца, хотя в его семье музыка звучала постоянно. Профессиональных музыкантов здесь не было, но музыку любили и хорошо знали. Не только, впрочем, музыку, но и литературу, живопись, театр. Как о самом ярком впечатлении детства Нестеренко вспоминает свое первое посещение музыкального театра — балет Игоря Морозова «Доктор Айболит». Это было, когда его отец, кадровый офицер Советской Армии, в первые послевоенные годы служил в Москве. Довольно часто семье приходилось переезжать с места на место, но всегда знакомство с новым городом начиналось с визита в местный оперный театр. Казалось бы, все вело Евгения к музыке. Но... еще в школьные годы он решил стать инженером-строителем.

Получив аттестат зрелости, Евгений поступил в Ленинградский инженерно-строительный институт. Он охотно участвовал и в студенческих концертах. Первое же его выступление, когда он спел песню Варяжского гостя из «Садко», могло бы заставить его задуматься о призвании. Но задумался не он, а его одноклассники, пораженные силой, красотой, гибкостью и

выразительностью его баса. И Варяжский гость, и ария короля Рене из «Иоланты», и романсы открывали талант и артистичность Нестеренко все больше и больше. Наконец, не без труда удалось уговорить Евгения заниматься пением хотя бы в свободное время, которого у него, естественно, было немного. А потом его услышала выдающаяся советская певица Софья Петровна Преображенская и настоятельно рекомендовала поступить в консерваторию.

Так студент пятого курса, без пяти минут дипломированный инженер-строитель, попал в класс Василия Луканина, в недалеком прошлом известного певца-баса, а в настоящем — одного из видных вокальных педагогов Ленинграда.

Действительно, неожиданный поворот судьбы, каприз фортуны. От чертежей — к оперным партитурам. Но каприз ли? Нет, призвание...

Днем — занятия в институте, подготовка диплома, вечером — консерватория, а затем — инженерная работа на стройке под Ленинградом, вечером — пение, теория и история музыки, выступление в спектаклях консерваторской Оперной студии. Непросто было наотрез отказать от, казалось бы, раз и навсегда избранной профессии, но музыка в конце концов взяла верх. Успехи молодого певца были столь разительны, что уже третьекурсником консерватории он стал солистом прославленного Ленинградского театра оперы и балета имени Кирова. Дебютировал в опере Прокофьева «Любовь к трем апельсинам», выступил с одной репетиции. Этот дебют стал заметным событием в музыкально-театральном сезоне. Встреча с Сергеем Прокофьевым, одним из любимейших композиторов Нестеренко, произошла в самом начале его артистического пути. Сейчас среди его лучших партий — прокофьевские, например фельдмаршал Кутузов в «Воине и мире» — одна из сложнейших партий в басовом репертуаре.

Органичность вокального и актерского мастерства — это не так уж часто встречается на оперной сцене. У Нестеренко эта органичность — отличительная и сразу выделяющаяся черта. И потому даже самые трудные оперные характеры не становятся «каменными преткновениями» для него. Он умеет убеждать

судьбой своего героя и в маленьких, и в больших партиях.

Однажды Нестеренко признался: «Я стараюсь избежать определенного амплуа и в опере, и на концертной эстраде». (Добавим: и в кантате, и в оратории, и в народных песнях, которые он так охотно и так хорошо поет). И хотя главная интонация и особенность артистической природы певца — лирическая, тем не менее это лирическое начало помогает ему быть правдивым и убедительным и в трагических партиях, и в чисто лирических. Его герои очень разнообразны не только по музыкальной фактуре, «заданному» сюжетному и сценическому материалу, но прежде всего по четко очерченному личностному, субъективному их началу. А это требует особого мастерства. Одного отличного голоса с огромным диапазоном (от профундо до баритональных верхов) недостаточно, как недостаточно и завидной сценической внешности, и драматических данных. Нужна особая проникновенность, особое чувство человековедения. Этим чувством обладает Евгений Нестеренко.

От четвертого места на Всесоюзном конкурсе вокалистов имени Глинки в 1965 году до первого на конкурсе имени Чайковского — дистанция огромного масштаба. Серьезным этапом для Нестеренко было участие в международном конкурсе вокалистов в Софии (серебряная медаль — 1967 год), а потом — не меньшим экзаменом — выступление в оперных театрах Софии, Варшавы, Будапешта, Вены и, конечно, премьера «Руслана и Людмилы».

Мы часто говорим об исполнителе: он ищет (или уже нашел) свою музыку, своего композитора. Процесс творческого поиска естествен и необходим. Но, быть может, основное — найти своего героя в музыке. Думается, уже сегодня Евгений Нестеренко его нашел. Но «нашел» — для него это означает отправную точку дальнейшего поиска. По-видимому, поиска длиною в жизнь.

Н. ЛАГИНА.

Ленинская слобода
12 июля 1972